

Он смутно слышал приглушённые и далёкие ликующие крики толпы, будто доносившиеся сквозь толстый слой льда.

Внезапно сердце Цзян Синчжи пропустило удар.

По телу прокатилась необъяснимая дрожь - предчувствие беды, словно чёрный ветер ворвался в храм с северных ворот. Он не успел разобраться в ощущении, как из глубины груди раздался тихий, хрупкий звук —

Трещь...

Та самая точка опоры, что удерживала поток его духовной энергии, в одно мгновение рассыпалась, словно снежинка, коснувшаяся пламени.

Мир вокруг будто замер.

Его меридианы, внезапно лишённые ци, начали медленно, методично, от кончиков пальцев по направлению к сердцу, рваться. Каждый сантиметр рвущейся энергетической нити отзывался в теле ледяной вспышкой боли, будто тысячи игл вонзались в плоть и вытягивали душу наружу.

Испытание было провалено.

Если в следующие мгновения не произойдёт чуда, то его душа рассеется, как пепел над пропастью, и не останется даже воспоминания о Святом Владыке Ледяного Снега.

Гром продолжал реветь, раздирая небо на куски, а молнии, ослепительные мгновение назад, вдруг поблекли, словно сами небеса утратили интерес к этому падению.

Цзян Синчжи собрал последние силы и распахнул глаза.

Сквозь пелену пота и крови он увидел вдали толпу, их лица были искажены изумлением и ужасом. И среди них, он наконец смог разглядеть, знакомый до боли в груди силуэт ...

...Сюй Цзянь?

Он моргнул, пытаясь сфокусироваться, разглядеть яснее. Но сознание уже расползлось, как размотавшаяся нить шёлка, уносимая ветром бушующего Дао.

Бух.

Тело рухнуло, обмякнув, будто кукла, у которой перерезали нити.

Прежде чем тьма окончательно поглотила его, ему почудилось, что ликующие крики толпы вдруг оборвались на полуслове, поглощённые грохотом грома.

И сквозь этот гул, громче самого небесного гнева, пронзительно взвился отчаянный крик:

— Цзян Синчжи! — кричал кто-то, будто срывая голос о скалу судьбы.

Тьма.

Мрак.

Бесконечное плавание в хаосе, без времени и направления.

И вдруг, как игла сквозь туман, в море его сознания проникла тончайшая полоска света.

Когда Цзян Синчжи вновь открыл глаза, перед ним раскинулось редкое травяное поле, выгоревшее под солнцем. В ноздри ударил запах сырой земли и сухой травы. В ушах шелестел ветер в листве, а вдали, едва различимо, щебетали насекомые, подавая тихий, усталый голос весны.

Он пошевелил пальцами. Моргнул.

Что происходит?

Его душа цела, да и тело на месте. Даже конечности слушаются.

Он медленно сел, и тут же по телу прошла судорога. Несмотря на тёплое дневное солнце, кожа была ледяной, будто он был изваянием из нефрита, выточенное в подземных пещерах древних духов.

Цзян Синчжи прикоснулся к запястью. Его божественное сознание, тонкое, как паутина, поплыло по меридианам. Уже через мгновение он нашёл причину холода. Его душа была повреждена небесным испытанием. Рана ещё не зажила, и от этого тело стало чрезвычайно чувствительным к холоду, настолько, что даже самый лёгкий ветер казался ледяным дыханием с северных пределов.

Но кое-что радовало: уровень его культивации оставался на пике ступени Махаяна, точно таким же, как и до испытания. Ни на йоту не снизился.

Он взмахнул рукой. Из воздуха проступила вода, собравшись в гладкую, как зеркало, поверхность. В отражении было его собственное лицо. Бледное, чуть больше обычного, но всё так же безупречно правильное, будто вырезанное из лунного льда.

Цзян Синчжи провёл пальцами по скулам.

— Воистину, доброта порождает обман... А мой облик — вызывает жалость, — произнёс он с лёгкой усмешкой, совершенно не стыдясь собственной дерзости.

С этими словами он рассеял водное зеркало, и лицо исчезло, будто его и не было.

Повисла тишина.

Он задумался.

Картины испытания всплывали в памяти, как обрывки сна: небесная молния, падающая с грохотом, рвущиеся меридианы, разрыв души...

Он нашёл тот самый шанс, и возможность прорваться. Но в самый последний момент всё пошло не так.

И тогда его душа начала рассеиваться.

Цзян Синчжи замер.

В голове вновь всплыл образ - та самая фигура, мелькнувшая перед гибелью.

...Сюй Цзянь?

Нет. Невозможно.

В тот день Сюй Цзянь не мог быть там. Это была галлюцинация, порождённая агонией.

Но... он точно слышал крик чей-то полный отчаяния звавший его по имени голос.

Кто это мог быть?

Один из его преданных последователей? Тот, кто с трепетом ждал его вознесения?

Мысли кружились, но ответа не находилось.

Цзян Синчжи собрался и вернулся к самому началу - к тому мгновению, когда всё пошло не так.

Он медленно потер кончики пальцев.

— Здесь явно что-то нечисто...

Он и Сюй Цзянь нашли тот шанс вместе. Но в самый решающий момент, в его груди вспыхнуло предчувствие беды.

И тогда он решил действовать первым. Он опередил Сюй Цзяня, забрав возможность себе. И стал первым, кто должен был пройти испытание.

И в итоге ... его душа рассыпалась...

Теперь, вспоминая, он понял, что к счастью, у него была шестая чакра - интуиция, почти слившаяся с Дао. Иначе погиб бы не он, а Сюй Цзянь.

— Подделка — вещь опасная, — вздохнул Цзян Синчжи, размышляя о той возможности.

Это был искусно созданный обман, настолько искусный, что смог погубить даже самого сильного культиватора ступени Махаяна.

...Хотя до сих пор оставалось загадкой, почему он вообще жив.

Он скрестил руки на груди и задрал голову к небу.

Голубое небо. Зелёная земля. Воздух между небом и землёй был чистый, но какой-то... пустой. Всё выглядело настолько нормально, что казалось ненастоящим.

Но быть живым, уже лучший из возможных исходов. Теперь главное было понять, где он находится. И как ему вернуться обратно.

Цзян Синчжи поднялся на ноги и огляделся. Он стоял на вершине горы. На сотню ли вокруг не была и следа человеческого жилья. Ни храма, ни деревни, ни даже тропы. Только вдаль, сквозь марево зноя, угадывался силуэт города, словно нарисованный тушью на пожелтевшем свитке.

Он задумался, и решил, что не стоит сразу идти в город.

— Жизнь в цивилизации сложна. Сначала, лучше остаться в глубинке, — прошептал он, шагая вниз по каменистой тропе.

Его глубокие, как бездонные колодцы, синие рукава развевались при каждом движении. Если бы здесь был Линь Хэ, он непременно назвал бы его бесстыдником, ведь Цзян Синчжи был, пожалуй, самым коварным существом под небесами.

По мере спуска земля под ногами становилась всё суше. Выгоревшая трава, поредела. Деревья по обочинам росли неровно, с пробелами, как будто кто-то вырвал их по одному. Листья в тени были тусклыми, пожелтевшими, будто страдали от недостатка силы.

Цзян Синчжи нахмурился.

Такие чахлые деревья он не видел уже очень давно.

В их мире культивации царила беспрецедентная духовная насыщенность. Даже самые заурядные сорняки пускали глянцевые листья, а жадные торговцы нередко выдавали их за редкие орхидеи, чтобы сбывать за баснословные деньги.

— Духовная энергия здесь слишком разрежена, — пробормотал он.

Он шёл дальше.

И вдруг остановился.

На развилке тропы, наполовину скрытая сухими травами, стояла каменная стела.

Цзян Синчжи взмахнул рукавом. Трава разошлась, будто её оттолкнула невидимая сила.

На плоскости камня проступили вырезанные иероглифы:

[Гора Панши. Памятник Дао Тин. 368 год Сюаньчжэнь]

Цзян Синчжи замер.

Чёрт... 368 год Сюаньчжэнь?

Разве это не эра, ушедшая в прошлое более чем на тысячу лет?

Его божественное сознание, обширное, как небесный океан, мгновенно рванулось вперёд,

скользнуло над равниной, достигло далёкого города, проникло сквозь массивные ворота из чёрного камня, растеклось по узким улочкам, заглянуло в каждый двор, каждый храм, каждую тень под карнизами.

Он искал знаки времени.

Имена, одежды, символы власти - всё, что могло подтвердить или опровергнуть его подозрения. Через мгновение он отозвал своё сознание, словно рыбак, втягивающий невод из глубины.

Не 368.

542 год Сюаньчжэнь.

Он не просто попал в прошлое.

Он вернулся на тысячу лет назад.

Ветер стих. Пыль повисла в воздухе.

Цзян Синчжи стоял неподвижно, будто сам стал частью горы, каменным истуканом, вросшим в землю. Долгое время он не шевелился, не дышал, не моргал. Только внутри, за ледяной маской лица, бушевала буря мыслей. Первой мыслью, которая пришла ему в голову, была то, что он так и не забрал у Линь Хэ деньги, которые тот собирал за просмотр.

Второй, что скорее всего, обратного пути нет.

Он остался один в мире, где не было ни тех, кого он знал, ни тех, кто знал его. Ни одного знакомого лица под этим небом. Ни одного голоса, что мог бы окликнуть его по имени.

Ни Сюй Цзяня.

Тишина легла на плечи, как старое, потрёпанное одеяло. Но, как гласит древняя поговорка: если Небо закрыло дверь — значит, где-то открыло окно.

Да, его прежняя жизнь закончилась смертью, но зато и единственный, кто мог подавить его силу, кто мог остановить его путь - исчез. И в эту секунду, сквозь лёд привычной сдержанности, в сердце Цзян Синчжи вспыхнул давно похороненный ...

Драматизм. То самое театральное, почти циничное наслаждение властью, которое он так тщательно прятал за маской Святого Владыки Ледяного Снега.

Сейчас, в этом мире, где он вершина культивации, где его уровень Махаяна выше,

Он не стал медлить.

После целого времени, пока сгорает тонкая благовонная палочка , он наконец обрёл внутреннее равновесие, и без сопротивления, но с достоинством принял судьбу, как принимают дождь.

Затем, с лёгкой усмешкой на губах, он направился к смотровой площадке у края горы, где земля обрывалась в бездонную долину.

Он стоял один между небом и землёй, как последний осколок прошлого.

Никто не знал его имени.

Никто не помнил его подвигов.

Никто не боялся его силы.

Но это было только начало.

Он вдохнул воздух, полный пыли и сухой полыни, и шагнул в неизведанное.

Первый день без Сюй Цзяня. Время разгуляться.

Цзян Синчжи уже рисовал в уме планы величия , мечтал как он незаметно войдет в секту, как внедрит свои учения, и станет невидимым императором этой эпохи, когда, едва выйдя из леса у подножия горы, почувствовал, как воздух вокруг него вдруг застыл.

Не просто стал плотнее...а умер. Как будто весь космос вдохнул и задержал дыхание.

И тут же на него обрушилось духовное, всепроникающее, как тень вечной горы, падающей с небес давление. Оно сдавило грудь, выдавило воздух из лёгких, пригвоздив колени к земле.

Бум.

Глухой удар.

Он даже не успел понять, что произошло.

Пока он только подумал, о том, что нужно среагировать, он уже лежал лицом в пыль, руки его были вывернуты за спину и прижаты к земле огромной, сильной ладонью.

Но разве он не вершина Махаяны? Его ци способна заморозить целую реку, так почему же он не может двинуть и пальцем?

Сердце заколотилось, как будто пытается вырваться из груди.

— Кто... — вырвалось у него, но вопрос так и не был закончен.

Незнакомец, всем телом вжал его в землю, словно придавив раскаленной плитой. Холодные пряди волос скользнули по щеке.

И прямо у самого уха, почти касаясь кожи, прозвучал низкий, густой голос, от которого по позвоночнику пробежала странная, непонятная дрожь:

— Куда собрался? — С тенью, как ему показалось, похотливой улыбки спросил он.

Позвоночник Цзян Синчжи оцепенел.

Поясница дрогнула, но не от страха, а от чего-то более сложного, что он не мог назвать.

П.п// поясница просто ноет заранее, понимая какие напряженные тренировки ее ждут в будущем -_-

Он широко распахнул глаза.

Да твоюж мать... откуда здесь взялся этот извращенец!??

В голове пронеслась сумасшедшая мысль: неужели даже в этой темной эпохе, жили такие сильные культиваторы?»

<http://bllate.org/book/15487/1373238>